

*Посвящается Герою России,
подполковнику
Военно-космических сил России
Олегу Анатольевичу Пешкову
и его боевым товарищам*

НАД КАСПИЕМ

Когда винты самолета, набрав обороты, начинали гудеть в постоянном рабочем режиме, Олег любил что-нибудь вспоминать. Он поуютнее устраивался в кресле и, расшнуровав ботинки, вытягивал ноги. Пальцы, затекшие от долгого сидения в одной позе, приятно ныли...

Когда он заболел небом? Он не помнил. Наверное, еще там — в Косихе. Олег родился в селе Косиха, что на Алтае. Воспоминания далекого детства почти совсем стерлись из его памяти. Он помнил только большой бревенчатый дом с резными ставнями. И запах угольного дыма, да сазанки, на которых с братом Саней лихо съезжал с горки.

И еще отца — Анатолия Григорьевича. Он приходил всегда поздно, когда на улице было совсем темно. От отца пахло морозом и крепким табаком. Олег с Саней наперегонки бросались к нему, а он хватал их и высоко подбрасывал к потолку. От этого у Олега сердце падало куда-то вниз, а дыхание перехватывало. Наверное, тогда он и испытал пер-

вое, самое первое чувство полета. Отец колот Олега щетиной и, поставив сыновей одного за другим на пол, говорил: «А что, мать, у нас сегодня на ужин? А то так есть хочется, что и переночевать негде!» — И смеялся — весело, с перекатами.

Счастливая мама всегда улыбалась, и от этого Олегу становилось приятно, что отец смеется, а мама вот так по-доброму улыбается.

А потом все садились за стол и начинали есть суп. Мальчишке очень нравились эти семейные вечера.

Отец погиб через несколько лет в автокатастрофе. Как это произошло? Уже не вспомнить. Утром, когда Олег и Саня еще спали, пришли незнакомые женщины и стали завешивать простынями зеркала. А мама стояла рядом и комкала в руках старую пуховую шаль...

— Командир, мы сейчас где? — на Олега с соседнего кресла смотрел штурман Костя Мурахтин — он только что проснулся и спросонья тер глаза, оглядываясь по сторонам.

— В самолете... Ты же штурман, вот и разберись...

Костя улыбнулся и снова закрыл глаза...

Когда отец погиб, мама связала в узлы нехитрый скарб, собрала сыновей, и отправились они в Усть-Каменогорск, откуда иногда приходили письма от маминой двоюродной сестры.

Там, в восточном Казахстане, прошло его детство. С синяками, ссадинами, пирогами с яблоками, походами на рыбалку на Иртыш, бесконечными ветрами и суровыми зимами.

И еще небо. Там, над Казахстаном, было совсем другое небо. Совсем не такое, как на Алтае. Над Косихой оно висело низко: кажется, вытяни руку и достанешь. А когда по нему бежали темные грозовые тучи, оно было немного страшным. Но неба Олег не боялся никогда.

Его мечтой с самых ранних лет было летать. Не так, как сейчас на борту самолета-транспортника. А самому управлять боевым самолетом. Или гражданским. Неважно. Лишь бы самому.

Олег улыбнулся — даже на одном из чудом сохранившихся фотоснимков из детства русоволосый крепкий мальчуган стоял, сдвинув брови, и крепко прижимал к себе игрушечный самолет. Этот самолет подарил ему дядя Володя — новый мамин муж.

Своих детей у дяди Володи не было, поэтому к Олегу с Саней он относился как к собственным. Особенно Олег был ему благодарен за время, когда они с братом были подростками и частенько оставляли лоскуты своих рубаш на соседских заборах. Дядя Володя человеком был немногословным и, усмехаясь в усы, говаривал:

— Ты их не суди строго, Оля: пацанва, что с них взять?

У дяди Володи была родная сестра с дочкой Леной. Иногда ее приводили в дом. Взрослые уходили, а Олегу мама строго наказывала: «Олежка, ты за старшего, гляди за малыши. Да чтоб Санька Ленушку ненароком не обидел».

На Лену тогда он внимания не обращал. Подумаешь, девчонка какая-то. Но отмечал про себя: внимательный и не по-детски серьезный взгляд голубых, как небо, глаз...

Олег выглянул в иллюминатор. Внизу плескалось море и, отражая солнечные блики, слепило глаза. Как в самый первый полет. Настоящий полет, правда, с инструктором, на Ла-5. Только там была река. Какая? Он уже не помнил. Это было на аэродроме под Харьковом. Первый полет — и все то же чувство, когда все внутри замирает и хочется закричать от восторга...

В сентябре 2015 года решением Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами России в Сирии, в районе провинции Латакия, была создана российская военная база Хмеймим. А несколькими днями позже звено самолетов СУ-30СМ из состава 120-го смешанного авиационного полка авиабазы Домна, что в Забайкалье, было

перебазировано сначала в Моздок. А потом в сопровождении военно-транспортного самолета Ил-76, пролетев через воздушное пространство Азербайджана, Ирана и Ирака, летчики приземлились на базе Хмеймим. А группа из шести СУ-34 выполнила перелет в Латакию, минуя Азербайджан — через Каспийское море.

Свои боевые задачи пилоты знали еще дома. Нанесение бомбовых и ракетных ударов по базам боевиков запрещенной в России группировки ИГИЛ. Исламское государство Ирака и Леванта — так именовали себя «джихадисты». В Сирию со всего мира съезжались исламисты всех мастей: кто-то пострелять, кто-то заработать легких денег, а кто-то и вправду побороться за идею.

Через несколько часов Ту-154, сделав круг над аэродромом, с моря зашел на посадку. Самолет засипел, качнулся и грузно зашуршал колесами шасси по взлетке.

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ БАЗА ХМЕЙМИМ. ПРОВИНЦИЯ ЛАТАКИЯ. СИРИЯ

Командир авиабазы, генерал-майор с красными от недосыпа глазами, водил лазерной указкой по большой карте песочного цвета со шторками.

— Прошу обратить внимание, товарищи офицеры, вот здесь и здесь, аэродромы подскока. В провинции Хомс — Шайрат, здесь Аль-Тайас близ Пальмиры. Прошу штурманов пометить на своих летных картах. При возникновении нештатных ситуаций, а также отказе техники можно присесть — но, хочется надеяться, такого не случится, — и генерал, отвернувшись в сторону, трижды поплевал через левое плечо. Охрана базы осуществляется подразделениями морской пехоты Черноморского флота и формированиями специального назначения 7-й десантно-штурмовой горной дивизии ВДВ. Кстати, товарищи офицеры, обращаю внимание — десантники также будут осуществлять вашу радиоподдержку с земли вблизи поражаемых целей и отслеживать качество бомбовых и ракетных ударов. Далее — выполнение задач противовоздушной обороны базы поручено кораблям постоянного оперативного соединения ВМФ во главе с ракетным крейсером «Москва» — эскадра расположена в восточной части Средиземного моря — вот здесь. — И генерал вновь провел по карте лазерной указкой. — Кроме того, воздушное пространство над Сирией прикрывает развернутая система ПВО в составе: ЗПРК «Панцирь-С1», ЗРК среднего радиуса действия «Бук-М2Э», ЗРК малого радиуса действия С-125 «Печора-2М», ЗРК «Оса». Но, опять-таки, надеюсь, до этого не дойдет: по нашим разведанным, боеприпасов, способных поразить воздушные суда, у террористов нет...

Олега сразу поразило небо над Сирией. Здесь оно тоже было необычным — прозрачным. Как будто кто-то накрыл пустыню большой стеклянной сферой. И облака здесь были другими, пушистыми и в то же время колючими, как стекловата.

Жить летчикам предстояло в деревянных сборных модулях, которые стояли тут же, неподалеку от аэродрома.

В вагончике, на койке с алюминиевыми пружинами, спал незнакомый летчик. Когда прибывшие начали располагаться, он тут же проснулся, спросил курева и, повернувшись на бок, выглянул в окошко.

— Жарко? Пустыня, черт ее дери. Тут всегда жарко. Как на пляже. Только прилетели? А я тут уже две недели парюся, — летчик зевнул. — Короче, парни, располагайтесь. Вот эти две кровати свободные, кондиционеры только поставили, не забывайте отключать. Здесь только днем жарко, а ночью — прилично подмораживает, вот так вот. На ночные полеты, если запишетесь — предупреждайте. Ключи под порогом.

— Часто ночные-то? — Костя Мурахтин бросил вещмешок на одну из кроватей.

— Вот поживешь здесь, летаешь, все сам узнаешь. Поспать не дают, — и летчик, отвернувшись к стенке, тут же громко захрапел.

Олег шел по извилистым улицам города, как положено военному человеку: шинель, шапка, одетая с шиком — на затылок, теплые ботинки, начищенные до блеска, в руке чемодан. На плечах красовались голубые погоны с желтой буквой «К» посередине. Это был его первый отпуск, в который он приехал домой из Харькова. Курсант Харьковского высшего военного авиационного училища летчиков — гордо звучит! Гордо!

До этого Олег учился в Свердловском суворовском училище, которое окончил с отличием. Выбирать, где учиться дальше, долго не пришлось. Небо манило его, как и прежде.

Из «суворовского» Олег в отпуск почти не приезжал. Зимой находились какие-нибудь дела в училище: оформление музея боевой славы или ремонт, а летом — полигон. Да и отпускали их в увольнения и отпуска не очень охотно. Боялись, что пацаны наворочают чего-нибудь — за нарушение дисциплины строго наказывали.

Навстречу Олегу шла девушка в черном пальтишке. Стройная, как березка. Темно-синяя шаль слегка подчеркивала пышные темные волосы и бледное лицо. Девушка остановилась и улыбнулась Олегу.

— Привет...

— Добрый день, красавица. А мы знакомы?

— Еще бы, — девушка вновь улыбнулась и пристально посмотрела на него синими, как небо, глазами.

— Ленка! — ахнул Олег. — Ну, надо же, извини — не узнал. Совсем невеста! Моего дома?

— Дома, где ж им быть. Тебя дожидаются, что ж ты телеграмму не прислал? Тетя Оля вся истеклась...

— Ну, ты вечером приходи...

Лена вновь посмотрела на него небесными глазами и кивнула.

Она шла по улице, а Олег все смотрел и смотрел ей вслед, не в силах оторвать глаз...

БАЗА ХМЕЙМИМ. СИРИЯ

Незнакомец оказался штурманом из Забайкальского округа.

— Капитан Саенко Николай, штурман, — представился он, когда летчики проснулись.

Он расхаживал по модулю и напевал какую-то незнакомую «попсовую» песенку.

— Командир мой домой улетел, кто из вас пилотом будет? Ах, вы! — Он крепко пожал руку Олегу. — Значит, вместе летать придется.

— А я как же? — Константин, потягиваясь, поднялся с постели и сел на койке.

— Налетаешься еще, — засмеялся Саенко. — Я уже тут двадцать один боевой вылет сделал. Местность знакомая. А ты карты полетные пока изучай. И не переживай, два-три вылета сделаем с командиром твоим, а там уже сам будешь работать. Вон смотри в окошко — видишь, «такси» наши отдыхают?

Олег первым глянул в окно:

— И много их тут?

— Хватает. Два звена истребителей Су-30СМ, фронтовых бомбардировщиков Су-24М и Су-34 с десятком, и четыре звена штурмовиков. Вы на каких работаете, товарищ подполковник?

— Да на любых, — откликнулся Олег. — Я пять типов самолетов освоил.

— Пя-я-ть? — недоверчиво протянул Саенко. — Снайпер? А давно?

— С год уже, после академии получил...

В военно-воздушной академии имени Гагарина учиться пришлось заочно. Учеба

всегда давалась Олегу без труда. Суворовское — с отличием, Харьковское военное — с отличием, да и в академии учиться труда не составляло — тоже окончил с отличием. Единственное, что напрягало его — это тоска по семье. Вроде недолгие сессии, но все-таки...

После окончания Харьковского высшего военного училища летчиков Олег начал службу летчиком-инструктором на авиабазе Кант в Киргизии. Через год пришла замена — его отправляли в авиационный гарнизон в Возжаевку Амурской области.

Но прежде ждало его одно дело в Усть-Каменогорске. Пора было жениться. Там уже три года ждала его Лена.

Их чувство не было любовью с первого взгляда. Все зарождалось постепенно. Росло, крепло, выверясь временем.

— Ты меня любишь?

Она кивнула.

— А ждать будешь?

Она опять кивнула и почему-то покраснела.

— Лен, я серьезно. Мне еще полтора года учиться.

Она обняла его и уткнулась в плечо.

— Я буду любить и ждать тебя хоть всю жизнь...

Он посмотрел ей в глаза. Такие глаза не врут. В них отражается небо, а оно его еще никогда не подводило...

А потом были десятки, сотни писем...

Олег записался на КП в список личного состава, заступающего на боевое дежурство. Вылет через четыре часа. Его штурманом и вправду оказался капитан Саенко.

Обслуживающий персонал медленно катил авиабомбы на специальной тележке к бомбардировщику, вторая группа аккуратно подвешивала их в бомболюки.

Николай предложил:

— Олег Анатольевич, айда в чайную — кофейку попьем.

— Да ну ее, там очереди всегда.

— Это когда обеда нет, очереди. А сейчас видишь — все в столовую потянулись. В самый раз — там теперь никого...

Кормили на авиабазе прилично. Да и быт был налажен продуманно: душевые, баня, стиральные машины. Все продукты привозили из России. И готовили наши же повара. Местных к этому и близко не подпускали. Мало ли? Сирийцы строили дороги и мосты за пределами базы. Иногда через кого-нибудь из них морпехи покупали местные сим-карты.

Еще в России всех убывающих заставили сдать мобильные телефоны, вместе с «сим-ками», естественно. Но купить «мобилу» не проблема. А звонить как? Или хотя бы sms отправить? Вот тут-то на помощь приходили сирийские коллеги.

У них же можно было купить сувениры — всякие тарелочки с нарисованными достопримечательностями, статуэтки из красного дерева и прочую мелочь...

Хотя Олег был пилотом наивысшего класса, высококвалифицированным специалистом, но в боевых действиях участвовать ему пока не приходилось.

— Товарищ командир, прошу отправить меня в командировку для выполнения служебно-боевых задач. Вот рапорт...

— А ты не торопишься, Олег Анатольевич?

— Нет, товарищ генерал, я же все-таки боевой летчик, пора когда-нибудь на практике применить все, чему учили.

— Добро, Пешков. — Генерал, написав на рапорте «В приказ», поставил свою витеватую подпись. — Удачи тебе, Олег Анатольевич...

Олег возвращался с ЦКП, получив боевое задание. Саенко ждал его у самолета.

Су-24М, доработанный под СВВП-24. Олег погладил борт бомбардировщика. Натянул шлем и по лесенке полез в кабину. Уже там передал штурману размеры целеуказаний:

— На, в БЦВС забей. Если координаты поменяются в полете, ЦУ на борт передадут, понял?

Штурман кивнул. Он быстро набрал координаты, переключил несколько тумблеров на приборной доске, повернулся к Олегу и показал большой палец.

— Самара, я восемьдесят третий, прошу разрешения на запуск.

— Восемьдесят третий, запуск разрешаю.

Олег запустил двигатель, кабина наполнилась шумом. Затем проверил оборудование, связь с наземными службами. Приборы работали в штатном режиме.

— Самара, я — восемьдесят третий, прошу разрешения вырुлить на взлетную.

— Восемьдесят третий, я — Самара, вырुлить на взлетную разрешаю.

Олег вырुлил на взлетную полосу, включил форсаж, двумя ногами надавив педаль до пола, двигатель начал набирать обороты, проверил курс ВВП, уточнил запрос на взлет и, получив утвердительный ответ, начал взлетать.

Машина медленно оторвалась от земли, перестала сипеть и, плавно покачиваясь, прошла насквозь прозрачное сирийское небо.

Олег левой рукой убрал шасси, а когда на табло, замигав, погасли три ромбика, совместил марку лидера и положил руку на гашетку.

Между ног пилота рычаг управления — на нем семь кнопок, все легко и просто, как джойстик на «компе», только чуток побольше и массивнее, даже медведя за пару лет научить можно...

Закат в Сирии тоже был необычным. Небо окрашивалось в ярко-горчичный цвет. Наверное, оно отвечивало от песков пустыни, которая здесь расстилалась насколько хватало глаз.

Даже в полете, на выполнении боевых задач, он не переставал любоваться небом. Ночью и днем, в любое время года.

— Командир, заходим на боевой, цель слева 20 градусов.

— Понял.

Олег совместил перекрестье прицела с целью, откинув на ручке управления скобу, и указательным пальцем правой руки нажал на красную кнопку.

Бомболок выкинул вниз створки. Бомбы неторопливо оторвались от днища бомбардировщика и ушли вниз, медленно покачиваясь, одна за другой.

Вскоре на земле поднялся столб пыли, которая заволокла все вокруг. Олег сделал крен влево и встал на курс.

— Земля, я — Небо. Как там наши подопечные внизу?

— Небо, я — Земля. Подопечные в стране вечной охоты. Спасибо за работу, — ответили ему.

Саенко вновь поднял вверх большой палец.

— Отработали, командир. А теперь на базу, а то к завтраку опоздаем...

На Дальнем Востоке, когда Олег служил командиром эскадрильи в разведывательном полку, в семье Пешковых родился первенец — дочь Алина. И тут, можно сказать, без неба не обошлось: Алина родилась, когда Олег был в воздухе. Радостную весть с ЦКП аэродрома передали ему прямо в полете. А когда он приземлился, весь летный состав встречал его с огромным плакатом «Поздравляем папашу с дочкой! Так держать и не останавливаться на достигнутом!»

Олег очень переживал, что не пришлось быть в это время рядом с женой — в полку проходила проверка, и две недели он находился на полетах.

Выручали соседи по общежитию Заикины. Они навещали Лену в роддоме и помогали во всем.

Уже через несколько дней новоиспеченный отец смог обнять Лену и маленькую дочку лично.

— Все правильно, Олег Анатольевич, — захмелевший Юра Заикин обнимал его за плечи. — План «полетов» верный. Сначала нянька, потом лялька.

И он со звоном чокнулся с раскрасневшимся от удовольствия Олегом.

Олег, выпив бокал, повернулся к Лене:

— И верно, Лен, уж сына не пропущу. Это как пить дать.

— Не пропустишь, не пропустишь... Не позволим, — Лена, замерев от счастья, смотрела на своего мужа влюбленными глазами...

Заход на посадку аэродрома Хмеймим проходил с моря. Самолет, медленно снижаясь, достиг береговой линии и потихоньку опускался, пока шасси не коснулось земли. Олег убрал обороты и свернул со взлетной полосы на боковую рулежку. Не торопясь, он отстегнул ремни, отходя от перегрузок, посидел немного в кабине. Затем приподнялся и вылез из нее, вдохнув полной грудью свежий воздух.

Саенко стоял рядом с самолетом и наблюдал, как стальные птицы, оторвавшись от земли, делали круг над аэродромом и, раскатистым гулом расколов небо, уходили в облака.

— Сила, — он обернулся к Олегу.

— И мощь, — улыбнувшись, добавил тот.

Четвертый полет Олег проводил уже с Константином. Саенко, накануне вечером попрощавшись, улетал в Россию.

— «Домой, домой, домой — стучат колеса», — напевал он, разливая по алюминиевым стопкам коньяк. — Понемножку, Олег Анатольевич, — он смутился, поймав недовольный взгляд Олега.

— Понемножку можно, — поддержал товарища Костя Мурахтин.

— Что с вами делать, наливай. Только на улицу ни ногой, а то патруль комендантский шарится и днем, и ночью. И каждого обнюхать норовит.

Летчики чокнулись.

— Оставайтесь с Богом, парни, — искренне произнес Саенко. — Привык я к вам.

— А ты перебирайся к нам, в Липецк.

— Попробую. У вас там в Черноземье тепло, поди, а то уже достали ветра и холода.

— Это точно, я и сам пять лет как перевелся. Перелетали звеном на ремзавод во Ржев. Знакомого встретил. Отношение на перевод помог мне оформить, и переехали всей семьей. Ты, Николай, координаты свои мне оставь. Поможем? — Олег обернулся к Косте.

— Конечно, поможем, — Константин хлопнул Саенко по плечу.

— Спасибо, парни. До скорой встречи тогда.

— Ну, повечеряли, теперь отбой, как в Советской армии.

— Есть, командир!

Оба штурмана легли на кровати и шутливо вытянулись, как по стойке «смирно»... Очередной полет проходил нормально, только целеуказания в воздухе им изменили. Отбомбился уже кто-то.

— Восемьдесят третий, я — Самара. Приказываю дозаправиться в воздухе.

— Есть дозаправка в воздухе. Координаты заправщика?

— Квадрат 17. От вас 7 минут лета.

— Самара, я — восемьдесят третий, ухожу на дозаправку.

Олег развернулся, сделав петлю вверх.

Заправщик, массивный и грузный, как нефтеналивной танкер, ждал их в назначенной точке.

— Восемьдесят третий, я — Уфа. Дозаправка слева по борту. Поехали.

— Как скажешь, Уфа.

Олег снизил обороты, поднял заправочную стойку и начал медленно приближаться к левому крылу заправщика.

На левом крыле гиганта заморгали три разноцветных фонаря, как на светофоре. Когда красный и зеленый перестали моргать, а загорелся только желтый — Олег приготовился.

— Вошел в желтую зону, Уфа.

— Понял тебя.

Из левого крыла заправщика выехал похожий на полицейский жезл шланг. Такой же черно-бело-полосатый, только длинный — метров 50, не меньше. Это, чтобы летчик видел и постоянно регулировал длину. Ближе подходить нельзя — шланг перегнется, отставать тоже нельзя — соскочит и несколько тонн горючего умоют твой ненаглядный самолет.

Заправочный шланг с муфтой, похожей на перевернутую воронку на конце, потихоньку приближался к стойке самолета.

Щелчок. Есть захват. Муфта намертво поймала наконечник стойки.

Теперь заправка. Расстояние надо четко выдерживать до конца заправки, во избежание неприятностей. Десять минут, полна коробочка.

— Восемьдесят третий, я — Уфа. Заправку закончил. Отчаливай, удачи на дорогах.

— Понял тебя, Уфа. Спасибо за заботу, и тебе не хворать.

Бомбардировщик ушел влево и лег на заданный курс...

Сын Александр родился на Дальнем Востоке незадолго до переезда в Липецк. Не обманул Олег — супругу с цветами и шампанским встречал из роддома лично.

— Ну, как, Елена Прекрасная? Не подвел я тебя? Все, как и положено: вот муж, — он ткнул в себя пальцем, — вот автомобиль. Домой-то поедем? А ты давай-ка мне сына — не женское это дело богатырей на руках носить.

— А как же я? — Лена бережно передавала сверточек с голубыми ленточками мужу. — Это же меня ты обещал всю жизнь на руках носить.

— А я и не отказываюсь. Сейчас домой приедем — передадим парня Алине на воспитание. Я тебя на руки возьму, да так и буду везде носить.

— И на полеты? На полеты тоже?

— Нет, на полеты нельзя, не положено, — строго сказал Олег.

— Ну, так и быть. Договорились. Раз не положено, значит, не положено. Где тут, ты говорил, автомобиль? Поехали домой, родной. Соскучилась по вас — сил нет...

Когда семья перебралась в Липецк, Олег, как и положено главе, задумался о постройке своего дома. Он всегда мечтал именно о доме. Воспоминания детства будоражили его душу. Хотелось поставить дом, такой же бревенчатый, с резными ставнями, как в Косихе.

— Потянем, Лен?

— Конечно, потянем, нас же четверо. Да, Сань?

— Конечно, потянем, пап, как у мушкетеров: один за всех и все за одного.

Иван смотрел на отца снизу вверх. Взгляд у него серьезный внимательный, как у матери. Олег вспомнил Усть-Каменогорск и улыбнулся. Затем схватил в охапку жену, дочь и сына и закружил по комнате.

Дети визжали от восторга. Стоп!

— Только, дорогие мои домочадцы, первым делом на участке посадим яблони и груши. Очень уж они мне нравятся. А потом дом строить. Согласны?..

Олег и Константин лежали на койках, отдыхая после полетов.

— Спишь, командир?

— Да не спится что-то? Про своих вспомнил. Ты знаешь, я с дочерью люблю уроки делать. Она мне иной раз говорит: пап, да я сама буду выполнять уже. Или ты вместо меня в школу пойдешь? Я отвечаю: а что? И пойду, вам, молодым, фору еще дам. А она смеется. Был я у них в школе. Мальчонка там один занятный — все авиацией интересуется.

— Может, он Алиной интересуется больше, чем авиацией?

— Может, и так, — улыбнулся Олег. — Но все равно хороший парнишка, правильный.

— В отпуск ездили в этом году? Или сад-огород закружил?

— Как же! Весь Краснодарский край исколесили. От Сочей до Ейска. На двух машинах. Брат из Казахстана приехал со своей семьей. Целый месяц куролесили.

— Он у тебя тоже военный?

— Подполковник полиции. У нас с ним пари: оба мы подполковники, так уговор — кто первым полковника получит, снимается и приезжает в гости, где бы ни находились! Но, думаю, обскочет меня братка, уж такой весь из себя начальник! А сад-огород я тоже люблю. В земле покопаться нравится. Яблоки с кулак — сладкие, как мед. И соленья на зиму сам закрываю.

— Да ладно!

— Правда. В следующем году в Крым поедем. В этом побоялись на пароме застрять. Ну, давай спать, а то завтра утром вылет, — Олег зевнул.

— Тринадцатый, командир.

— Полет-то? Ну, это у меня тринадцатый, у тебя — одиннадцатый. Я в приметы не верю. Вернее, в хорошие верю, а в плохие — нет.

— Ну и хорошо. Давай спать, командир.

ГОРЫ ТУРКОМАН. СИРИЯ

Джамалу сегодня тоже не спалось. После того как русские самолеты начали бомбить нефтяные караваны, дела пошли совсем плохо. Многие из его отряда сбежали. Денег давно не присылали, да и с боеприпасами начались перебои. Даже пришлось пристрелить пару дезертиров, но и это не помогло. Отряд таял, как снег весной.

— Джамал, тебя вызывает Большой Брат.

К нему в палатку зашел один из боевиков. Протянул полевому командиру сотовый телефон с длинной антенной. Джамал, не торопясь, взял телефон и поднес к уху.

— Салам, Джамал, — заскрипела трубка.

— А это ты, Абу-Хайят. И тебе салам. Что плохого хочешь сказать сегодня?

— Почему плохого? На этот раз хорошие вести.

— Последнее время я привыкаю слышать только плохие новости.

— Только не сегодня. Большой Брат сказал, что завтра утром твоим «серым волкам» придется поработать. Можно заработать неплохие деньги.

— Что я должен сделать?

— Завтра утром приедут люди с телекамерами. Расставишь их так, чтобы хорошо был виден 43-й квадрат. В районе одиннадцати часов смотри шоу. И все. Большой Брат все сделает сам. Да, и гляди, чтобы с журналистов не упал ни один волосок. После со снятым материалом сопроводишь их до турецкой границы.

— Американцы?

— Это не важно. Главное то, что там же, на границе, они заплатят тебе 50 тысяч долларов наличными.

— Это хорошие вести, Абу-Хайят, спасибо, брат, я в долгу не останусь.

И Джамал нажал на клавишу сброса...

...«Ни одно лицо, покидающее на парашюте летательный аппарат, терпящий бедствие, не подвергается нападению в течение своего легкого спуска на землю». П. 1 ст. 42 Протокола Женевских конвенций 1949 года...

НЕБО СИРИИ. ПРОВИНЦИЯ ЛАТАКИЯ

Тринадцатый полет в прозрачном сирийском небе проходил в штатном режиме. Цели были удачно поражены и одобрены с земли. Оставалось только добраться до базы и отдохнуть.

— Мы где сейчас, штурман? — Олег повернулся к Константину.

— Входим в 43-й квадрат, командир. Вот здесь, — Костя ткнул пальцем в развернутую карту.

Слева по борту встал, покачивая крыльями, военный самолет Ф-16С.

На его борту был нарисован красный флажок со звездой и полумесяцем.

Турецкие ВВС. Союзники, мать их. Видать, недалеко граница.

Олег помахал турецкому асу рукой и показал поднятый вверх большой палец. Турецкий летчик, кивнув в ответ, улыбнулся и, сделав крен влево, зашел в хвост.

Самолет потряс страшный удар, в кабине запахло гарью, приборы на доске крутились и вертелись в разные стороны, как сумасшедшие. Самолет начал резко терять высоту и через несколько секунд сорвался в крутое пики.

Олег посмотрел вниз — земля, состоящая из зеленых и рыжих квадратов, стремительно приближалась. Скомандовал:

— Катапультируемся, Костя! — И, дождавшись, пока Константин пулей вылетел вверх, Олег сам нажал на кнопку катапультирования.

Константина бросило вверх и вправо, от резкого толчка закружилась голова и затошнило. Затем над ним, хлопнув, раскрылся белый купол, а он, повернув вправо голову, увидел, как их бомбардировщик плавно, как в замедленной съемке, прочертил воздух и, оставив за собой черный шлейф, наткнувшись на гору — взорвался, подняв вверх столб пламени. Порыв ветра подхватил его и понес в сторону от гор, где степные завихрухи катали по пустынным прогалинам ветки саксаулов.

Перед глазами завертелась жизнь. Как кинолента: Одесская область, поселок Петровка — здесь он с мамой и папой ходил на демонстрацию. Отец посадил его на плечи, а он, размахивая зеленым шариком, кричит: «Ура!..» Германия, где летчиком фронтовой авиации служит его отец. Маленький Костя, зажав в руке букет цветов, идет в первый класс, а топающая сзади девочка, с белыми бантами, все время больно наступает ему на пятки... Челябинское высшее военное училище летчиков: он стоит в строю и, любуясь на лейтенантские погоны с новенькими блестящими звездочками, бросает вверх фуражку... Липецк: он уже капитан авиации, возвращается домой после ночных полетов...

Из оцепенения его вывели резкие толчки. Парашют, попав в очередной порыв ветра, набрал воздуха и юзом поехал вверх. Костю протащило по горному склону. Он хватался за землю руками, ломая ногти, и никак не мог остановить это движение. Потом, собрав силы, встал на колени и обеими руками, резко дернув стропы вниз, погасил купол. Парашют обмяк. Костя отстегнул лямки строп, сел на землю и закрыл голову руками. Затем вскочил на ноги, ощущал себя — вроде цел. И начал карабкаться на сопку, чтобы посмотреть — не видать ли где командира.

А командир в это время качался на стропе. Он не попал в порыв ветра и медленно спускался на землю, приглядывая участок, удобный для приземления...

Джамал, приложив руку козырьком ко лбу, разглядывал с земли качающегося под белым куполом человека.

— Эй, Назим, ты его видишь, этого русского?

Назим, сидевший за ЗУшкой осклабился: «Визу, Джамал!»

— Ну-ка сбей мне этого путинского сокола! Большой Брат за это не обидится на нас!

Назим навел оба ствола на парашютиста и произвел длинную очередь.

— Аслан, эй Аслан!

— Да, Джамал, — один из бандитов подскочил к главарю.

— Свяжись с Хуссейном, второй русский приземлился на его территории. Его будут искать. Пусть подготовится к встрече.

— Я понял тебя, Джамал.

Аслан уже доставал из разгрузки радиостанцию.

А Джамал отвернулся в сторону журналистов:

— Есть кино?

— О'кей, о'кей! — закивали те.

— Ну, тогда в машину, я хочу быстрее получить заработанные мною деньги. Поехали, янки! Мои «серые волки» разберутся здесь без нас.

Армейский джип, хлопнув дверьми, запылил по горной дороге в сторону турецкой границы.

Джамал вовремя успел унести ноги, он тогда не знал, что всего через два часа двойка российских штурмовиков разнесет его лагерь вместе с «серыми волками» в труху...

Костя Мурахтин очнулся от холода. То ли закемарил, то ли потерял сознание на какое-то время — он и сам не понял. Над сопками сгустились сумерки. От всего пережитого голова шла кругом. Он то резко встал, готовый действовать, то вновь садился на землю. Вначале надо было выработать план действий. Хотя бы минимальный. Первым делом разобраться, где он, собственно, находится. Приблизительно Костя представлял это, хотя карта полетов и осталась в кабине самолета. Он помнил, что самолет был сбит при вхождении в 43-й квадрат. И кто их сбил? Ведь рядом находился турецкий борт. Почему он их не предупредил об атаке? Союзники ведь. Или их сбили средства ПВО Турции? Но в турецкое воздушное пространство они не вторгались. Это он знал точно. Кому же еще это знать, как не штурману. А может, ударили с земли? ПЗРК? Заметили бы. Ладно, сейчас уже не это главное. Нужно выбираться отсюда...

Его слегка подташнивало от голода. Костя начал шарить по карманам разгрузки. Так, чего у нас тут? «НАЗ» (независимый аварийный запас). Штурман вскрыл его и разложил на земле. Не густо: пол-литра воды в пластиковой бутылке, 100 граммов леденцов — (половину тут же отправил в рот), нож, коробок водостойких спичек, сухое горючее и одна зеленая ракетница.

Затем Константин бережно достал из бокового кармана АПС (автоматический пистолет Стечкина) и две обоймы, протер их носовым платком. Как знать — возможно, пригодится. Главное — не стрелять очередями...

Бандиты видели, куда он приземлился — будут искать. Костя хлопнул себя по лбу! Наши ведь тоже будут его искать. Наверняка уже ищут. Сколько времени он находится здесь? А сколько сейчас времени? Он поднес левую руку к глазам. Разбитые командирские часы стояли: время, которое отпечаталось на них — 10.37. В это время их сбили.

Что делать? Остаться на месте или идти искать командира? Он катапультировался сразу за ним. Стало быть, может находиться в радиусе 5-7 километров. Только в какую сторону?

Болела сабина на локте. Все тело ныло. Да, хорошо его по склону протащило. Как только руки-ноги целы остались?

Что-то неудобно кольнуло его в правый бок. Костя, недовольно хмурясь, полез рукой в карман разгрузки. Тьфу ты, елки-палки. С этого же и надо было начинать. Радиомаяк! Если бы не эта чехарда, точно вспомнил бы — и он, уперев маяк в землю, нажал на красную кнопку активации...

— Есть радиосигнал, товарищ генерал, — крикнула молодая радистка, вскочив из-за стола. — Есть! Вот он, миленький!
— Тихо-тихо... В каком квадрате?
— Вот здесь — квадрат 43!
— Слава Богу, хоть один жив. А может, оба... — В ЦКП после тягостного затишья даже дышать стало как-то полегче.

Начальник базы уже связывался с командиром охранения.

— Пятый, это — первый! Есть радиомаяк. Поднимай морпехов, две вертушки — и в 43-й квадрат. Будете там к утру. Радиосигнал четкий, за несколько километров до точки присядете и пойдете пешком, вдруг засада. Пеленг радиосигнала с борта вертушки 1-3 градуса по азимуту.

Константин Мурахтин в это время двигался на юго-запад. Направление он определял по звездам и по внешним признакам — луна хорошо освещала местность. Двигаясь по сопкам, он забирался вначале на вершину, осматривал окрестности, обходил населенные пункты или опасные, на его взгляд, места. Везде присматривал лежки, которые могли пригодиться при внезапном нападении, занять оборону — хотя бы на некоторое время. Пустынные участки преодолевал короткими перебежками, либо полпластунски.

Он и сам удивлялся: почему ничего не боится? Наверное, весь страх остался там, в кабине самолета.

За 7 километров до точки, из которой исходил радиосигнал, вертушки разделились. Одна полетела прямо на сигнал, вторая решила обогнуть горный массив и осмотреть — нет ли поблизости крупных отрядов «джихадистов».

Здесь-то она и нарвалась на засаду. Бандиты открыли кинжальный огонь из всех стволов. Борт был расстрелян, как решето, и сел у подножья одной из гор. Забрав одного двухсотого и трех человек ранеными, морпехи связались с экипажем первой вертушки и отошли в указанный район.

Штурман Мурахтин услышал звуки вертолета перед самым рассветом. Он вначале затаился, но, увидев бортовые номера, обозначил себя зеленой ракетой. Пригодилась.

К утру о том, что подполковник Олег Пешков погиб, было уже известно всем. Западные журналисты очень оперативно выставили кадры предательской атаки в Интернет.

ЛИПЕЦК

Иногда ночью, укутавшись в теплый пуховый платок, Лена выходит в сад и смотрит на звезды. Она гладит рукой деревья, которые посадил Олег. Затем подолгу стоит, глядя вверх, и вытирает слезы, которые катятся и катятся по щекам.

— Где ты, Олежка? Может быть, ты не погиб, а улетел на другую планету? Там нет земли, а только небо. Куда ни кинь взгляд, одно только небо, небо, небо...

Шелестит листва в саду. Падают звезды. Медленно плывут облака. В сторону южную. Может, через какое-то время пробегут они и по прозрачному небу Сирии, в котором не стало ее Олега...